

Семь деталей мировой головоломки

**Неолиберализм в виде головоломки: бесполезное объединение мира,
разделяющее и разрушающее страны**

Субкоманданте Маркос

Оглавление

Деталь 1: Концентрация богатства и распределение бедности.	8
Деталь 2: Глобализация эксплуатации.	10
Деталь 3: Миграция, блуждающий кошмар.	14
Деталь 4: Мировое финансовое объединение и глобализация коррупции и преступности.	15
Деталь 5: Законное насилие незаконной власти?	17
Деталь 6: Мегаполитика и карлики.	20
Деталь 7: Мешки сопротивления.	22

Для Государства война есть вопрос жизненной важности, это провинция жизни и смерти, путь, ведущий к выживанию или уничтожению. Ее углубленное изучение совершенно необходимо.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве

Нынешняя глобализация, неолиберализм как всемирная система — все это следует понимать как новую войну для захвата территорий.

Окончание Третьей мировой войны, или «холодной войны», не означает того, что мир преодолел биполярность и стал стабилен под властью победителя. В результате этой войны, несомненно, был один побежденный (социалистический лагерь), но трудно сказать, кто оказался победителем. Западная Европа? Соединенные Штаты? Япония? Все они вместе? Дело в том, что поражение «империи зла» (по Рейгану и Тэтчер) значило открытие новых рынков без нового хозяина. Поэтому нужно было начинать борьбу за захват позиций, то есть завоевывать их.

Но не только: окончание «холодной войны» поставило международные отношения в новые рамки, в которых новая борьба за эти новые рынки и территории вызвала новую мировую войну, Четвертую. Как и все войны, она заставила заново определить роль и место государств. Кроме переопределения государств, мировой порядок вернулся к старым эпохам завоевания Америки, Африки и Океании. Странная современность развивается, двигаясь наоборот; закат XX века куда больше похож на предшествовавшие ему дикие столетия, чем на радостное и рациональное будущее из некоторых научно-фантастических романов. Огромные территории, богатства и, главное, квалифицированная рабочая сила мира, где только что закончилась «холодная война», ожидали нового хозяина...

Но место для владельца мира есть только одно, а претендентов немало. И для достижения этой цели развязывается новая война, на этот раз среди тех, кто провозгласил себя «империей добра».

Если Третья мировая война проходила между капитализмом и социализмом (возглавлявшихся, соответственно, Соединенными Штатами и СССР) и шла по разным сценариям и с различной степенью интенсивности, то Четвертая мировая война ведется сейчас между крупными финансовыми центрами по одному и тому же сценарию и интенсивность ее велика и постоянна.

С момента окончания Второй мировой войны до 1992 года в мире было развязано 149 войн. Результат — 23 миллиона погибших — не оставляет сомнений в степени интенсивности Третьей мировой войны (данные ЮНИСЕФ).

От пещер международного шпионажа до стратосферы так называемой Стратегической оборонной инициативы («звездные войны» ковбоя Рональда Рейгана), от песков Пляя-Хирон на Кубе до дельты Меконга во Вьетнаме, от спущенной с тормозов гонки ядерных вооружений до зверских государственных переворотов в несчастной Латинской Америке, от угрожающих маневров Организации Североатлантического договора до агентов ЦРУ в Боливии времен убийства Че Гевары, так неудачно названная «холодная война» достигла столь высоких температур, что, несмотря на бесконечную смену сценариев и непрекращающийся подъем-и-спад ядерного кризиса (или именно поэтому), смогла, наконец, расплавить социалистический лагерь как мировую систему и ликвидировать его как социальную альтернативу.

Для победителя — капитализма — Третья мировая война стала доказательством благ «тотальной войны» (ведущейся во всех местах и всеми средствами). Однако послевоенный сценарий, как новый театр военных действий, оказался наделен следующими атрибутами: огромные пространства «ничейной земли» (из-за политической, экономической и социальной неразберихи в Восточной Европе и СССР), расширяющиеся сверхдержавы (Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония), мировой экономический кризис и новая технологическая революция — информационная.

«Так же, как индустриальная революция позволила заменить мускульное усилие человека работой машины, нынешняя информационная революция стремится к замене мозга (или, по крайней мере, все большего числа его функций) на компьютер. Это «всеобщее поумнение» средств производства (как в промышленности, так и в сфере услуг) ускорено взрывом новых исследований в области телекоммуникаций и совершенствованием кибернетических миров»

(Ignacio Ramonet. «La planète des dèsortes» en «Gèopolitique du Chaos». Maniere de Voir 3. *Le Monde Diplomatic* (LMD). Avril de 1997).

Верховный король капитала, капитал финансовый, начал, таким образом, развитие своей воинственной стратегии по отношению к новому миру и ко всему тому, что оставалось еще целым от мира старого. Вместе с технологической революцией, подавшей посредством компьютера весь мир к их письменным столам на их полное усмотрение, финансовые рынки навязали планете свои законы и свои понятия. «Глобализация» новой войны есть ни что иное, как глобализация логики финансовых рынков. Государства (и их правительства) перешли из определяющих правила игры в экономике в разряд управляемых, вернее, телеуправляемых в результате осуществления основного принципа финансовой власти: свободного коммерческого обмена. Кроме того, логика рынка воспользовалась «пористостью», которую вызвало развитие коммуникаций во всем социальном спектре мира, и проникла туда, и овладела всеми аспектами общественной деятельности. Наконец мировая война стала действительно всеобщей!

Одной из первых потерь в этой новой войне оказался национальный рынок. Как пуля, выпущенная внутри бронированной комнаты, война, начатая неолиберализмом, рикошетит из стороны в сторону и ранит того, кто нажал на спусковой крючок. Одна из главных опор власти современного капиталистического государства — национальный рынок — уничтожена пушечным выстрелом новой эры мировой финансовой экономики. Международный капитализм собирает свои жертвы, отменяя капитализмы национальные и истощая до анемии власть общественных структур. Удар оказался таким мощным и окончательным, что у государств уже нет сил, необходимых для противодействия международным рынкам, попирающим интересы граждан и правительств.

Аккуратно прибранная витрина, ожидавшаяся, как предполагалось, в виде наследства после окончания «холодной войны» и наступления «нового мирового порядка», в результате неолиберального взрыва разлетелась вдребезги. Мировой капитализм

без малейшей жалости приносит в жертву того, кто дал ему будущее и исторический проект: капитализм национальный. Сын (неолиберализм) пожирает отца (национальный капитализм) и походя рушит все пропагандистские сказки капиталистической идеологии: в новом мировом порядке нет ни демократии, ни свободы, ни равенства, ни братства.

На мировой сцене, сложившейся после «холодной войны», видно лишь новое поле битвы, и на нем, как и на любом поле битвы, царит хаос.

В конце «холодной войны» капитализм изобрел новый военный кошмар — нейтронную бомбу. «Заслуга» этого оружия в том, что оно разрушает только жизнь, оставляя нетронутыми строения. Уже можно было уничтожить целые города (то есть их жителей), без необходимости потом их восстанавливать (и платить за это). Военная промышленность поздравила себя, «нерациональность» атомных бомб была заменена на «рациональность» бомбы нейтронной. Но, одновременно с рождением Четвертой мировой войны было изобретено новое военное «чудо»: бомба финансовая.

Дело в том, что в отличие от своей предшественницы в Хиросиме и Нагасаки финансовая бомба не только разрушает город (страну, в данном случае) и несет смерть, страх и нищету тем, кто там живет, или же, в отличие от бомбы нейтронной, не только уничтожает «выборочно». Кроме всего этого, неолиберальная бомба реорганизует и приводит к новому порядку все то, что является объектом ее атаки, превращая его в одну из деталей в головоломке экономической глобализации. Результат ее разрушительного действия — уже не горы дымящихся руин и десятки тысяч прерванных жизней, а еще один квартал, добавленный к одному из торговых мегаполисов нового мирового гипермаркета, и рабочая сила, реорганизованная для обслуживания нового мирового рынка труда.

Европейский Союз, один из мегаполисов, образовавшихся в результате неолиберализма, является результатом нынешней Четвертой мировой войны. В этом случае экономическая глобализация смогла стереть границы между государствами-соперниками, с давних времен враждовавшими между собой, и вынудила их объединиться и создать политический союз от национальных государств к европейской федерации. Экономистский путь неолиберальной войны в так называемом Старом Свете будет полон разрушений и руин, одной из которых окажется европейская цивилизация.

Мегаполисы множатся по всей планете. Пространством их возникновения являются интегрированные торговые зоны. Это происходит в Северной Америке, где Договор о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) между Канадой, Соединенными Штатами и Мексикой — не более чем прелюдия к исполнению давней мечты захватчиков из США: «Америка для американцев». Южная Америка движется в том же направлении, создав МЕРКОСУР между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем. В Северной Африке уже существует Союз стран арабского Магриба (УМА), включающий Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Мавританию. В Южной Африке, на Ближнем Востоке, на Черном море, в Тихоокеанской Азии и так далее — по всей планете взрываются финансовые бомбы и заново завоевываются территории.

Мегаполисы замещают страны? Нет. Точнее, не только. Помимо этого, они включают страны в себя и предопределяют их функции, границы и возможности. Целые

страны превращаются в отделы неолиберального мегапредприятия. Неолиберализм действует следующим образом: *разрушение/обезлюдение*, с одной стороны, и *восстановление/реорганизация* целых регионов и стран, для того чтобы открыть новые рынки и модернизировать уже существующие, — с другой.

Если во времена Третьей мировой войны атомные бомбы выполняли задачу навязания другому своей воли, его запугивания, в Четвертой мировой с финансовыми сверхбомбами происходит уже нечто совершенно иное. Это оружие служит для нападения на территории (государства): оно уничтожает материальную базу национальной независимости (являющейся этическим, юридическим, политическим, культурным и историческим препятствием на пути экономической глобализации) и вызывает качественное обезлюдение этих территорий. Обезлюдение происходит из-за того, что необходимо избавиться от всех, кто бесполезен для новой рыночной экономики (например, от коренных народов).

Но кроме этого и одновременно с этим финансовые центры берутся за восстановление государств и реорганизуют их согласно новой логике мирового рынка (развитые экономические модели подавляют слабые или несуществующие общественные отношения).

Этот эффект Четвертой мировой войны виден на примере сельской местности. Модернизация села, как того требуют финансовые рынки, пытается решить поставленную перед ней задачу роста продуктивности сельского хозяйства, но реальный ее результат — разрушение традиционных общественных и экономических отношений на селе. В итоге — массовый исход из сел в города. Да, как на войне. Тем временем, рынки труда в городах все больше переполняются, и «справедливостью», ожидаемой теми, кто ищет лучших условий жизни, каждый раз оказывается все более неравное распределение доходов.

Мир коренных народов переполнен примерами, иллюстрирующими эту стратегию: Ян Чамберс, директор Отдела Центральной Америки ОИТ (органа ООН), сообщил, что коренные народы мира, насчитывающие 300 млн. человек, проживают в зонах, где сосредоточено 60% природных ресурсов планеты. Так что

«не удивляют многочисленные конфликты вокруг использования и дальнейшей участи их земель, где столкнулось столько правительственных промышленных интересов. ... Эксплуатация природных ресурсов (нефть и полезные ископаемые) и туризм являются основной угрозой для индейских территорий Америки»

(интервью Марте Гариа в *La Jornada*. 28 de mayo de 1997).

Вслед за инвестиционными проектами приходят загрязнение окружающей среды, проституция и наркотики. То есть взаимно дополняются *разрушение/обезлюдение* и *восстановление/реорганизация* зоны.

В этой новой мировой войне больше не существует современной политики как организатора национального государства. Политика сегодня — это организатор сугубо экономический, политики — лишь современные менеджеры фирм. Новые хозяева мира — не правительства, им незачем ими быть. «Национальные» правительства уполномочены управлять бизнесом в различных регионах мира.

Это и есть «новый мировой порядок» — превращение всего мира в единый рынок. Страны являются магазинами его отделов с управляющими правительствами, новые региональные экономические и политические альянсы каждый раз все больше похожи на современный гипермаркет, чем на политическую федерацию. «Унификация», вызываемая неолиберализмом, является экономической, это унификация рынков для облегчения вращения денег и товаров. В гигантском мировом гипермаркете свободно перемещаются товары, но не люди.

Как любая предпринимательская (и военная) инициатива, эта экономическая глобализация сопровождается всеобщей моделью мышления. Тем не менее, среди стольких новых элементов, идеологическая модель, сопровождающая неолиберализм в его завоевательском походе на планету, состоит в основном из старого и избитого. «Американский образ жизни», который сопровождал войска США в Европе времен Второй мировой войны, во Вьетнаме 60-х и в последнее время — в войне в Персидском заливе, идет сейчас рука об руку (вернее, клавиатура о клавиатуру) с финансовыми рынками.

Речь не только о материальном разрушении национальных государств, ведь кроме него (это настолько же важно, насколько малоизучено) происходит разрушение историческое и культурное. Достойное индейское прошлое стран Американского континента, блестящая европейская цивилизация, мудрая история азиатских народов, могучая и богатая древность Африки и Океании, все культуры и истории, создавшие нынешние страны, подвержены сегодня атаке «американского образа жизни». Таким образом, неолиберализм объявляет миру глобальную войну: разрушение стран и национальных групп, с тем чтобы отождествить их с североамериканской капиталистической моделью.

Война. Война мировая. Четвертая. Самая худшая и самая жестокая. Развязанная неолиберализмом, ведущаяся против человечества повсеместно и всеми средствами.

Но как и во всех войнах, здесь есть бои, есть победители и побежденные, и есть обломки разрушенной этой войной реальности. Чтобы попытаться решить абсурдную головоломку неолиберального мира, необходимы многие детали.

Некоторые из них можно найти среди руин, оставленных этой войной на планете. Может быть, когда хотя бы семь из этих деталей удастся собрать воедино, мы сможем сохранить надежду на то, что этот мировой конфликт не покончит с самым слабым своим противником — с человечеством.

Семь деталей, чтобы нарисовать, раскрасить, вырезать и попытаться собрать воедино, вместе с другими деталями, мировую головоломку.

Первая — это двойное накопление, накопление богатства и бедности на двух полюсах мирового сообщества. Вторая — это абсолютная эксплуатация абсолютно всего мира. Третья — кошмар скитающейся части человечества. Четвертая — тошнотворная связь между преступностью и властью. Пятая — государственное насилие. Шестая — загадка мегаполитики. Седьмая — мешки сопротивления неолиберализму со стороны человечества.

Деталь 1: Концентрация богатства и распределение бедности.

Фигура выстраивается путем рисования денежного знака.

Различные общественные модели в истории человечества оспаривали между собой право сделать абсурд основой мирового порядка. Когда наступит время раздачи премий, неолиберализм наверняка займет привелегированное место, ибо его форма «раздачи» общественных богатств заключена не в чем ином, как распределении двойного абсурда накопления: накоплении богатств в руках некоторых немногих и в накоплении бедности среди миллионов людей.

Несправедливость и неравенство уже стали отличительными чертами современного мира. Планета Земля, третья в Солнечной системе, населена 5 миллиардами человеческих существ. На ней только 500 миллионов человек живут со всеми удобствами, в то время как 4 миллиарда 500 миллионов пребывают в бедности и пытаются выжить.

Двойной абсурд в соотношении между богатыми и бедными: богатых мало, бедных много. Количественная разница преступна, но равновесие между этими крайностями достигается за счет богатства — богатые компенсируют свое количественное меньшинство миллиардами долларов.

Состояние 358 самых богатых людей мира (миллиарды долларов) превосходит годовой доход 45% наиболее бедных его жителей, составляющий около 2 миллиардов 600 миллионов человек.

Золотые звенья финансовых часов превращаются в тяжелые цепи для миллионов людей.

«...Величина прибыли «Дженерал Моторз» превосходит национальный валовой продукт (НВП) Дании, цифра доходов «Форда» превосходит НВП Южной Африки, а доход «Тойоты» превосходит НВП Норвегии»

(Ignacio Ramonet. LMD. I/1997, № 15)

Но в то же время реальные заработки большей части трудящихся упали; кроме того, следует учесть сокращение персонала на предприятиях, закрытие фабрик и перемещение производственных центров. В так называемых «развитых капиталистических экономиках» количество безработных составляет уже 41 миллион.

Таким образом, концентрация богатства в немногих руках и распределение бедности среди многих плавно вычерчивает знак современного мирового сообщества — зыбкое равновесие абсурдного неравенства.

Упадочничество неолиберальной экономической системы просто скандально:

«Мировой долг (включая долги фирм, правительств и администраций) перевалил уже за 33100 млрд долларов, то есть 130% мирового внутреннего валового продукта (ВВП), и растет на уровне от 6 до 8% в год, более чем в 4 раза превышая темпы роста мирового ВВП»

(Frédéric F. Clairmont. «Ces deux cents Sociétés qui controlent le monde». LMD. IV/1997).

Прогресс крупных транснациональных корпораций не предполагает прогресса развитых стран. Наоборот, чем больше зарабатывают финансовые гиганты, тем сильнее обостряется проблема бедности в так называемых богатых странах.

Разница, которую необходимо преодолеть между богатыми и бедными, просто чудовищна и, кажется, в этом направлении нет ни малейшего сдвига. Точнее, он есть, но в противоположном направлении. Социальное неравенство далеко от того, чтобы уменьшиться, и тем более исчезнуть. Оно обостряется, и прежде всего — в развитых капиталистических странах: в Соединенных Штатах между 1983 и 1989 годом 1% самых богатых североамериканцев обладал 61,6% всей совокупности национального богатства страны. 80% самых бедных североамериканцев могли разделить между собой не более 1,2% национального богатства. В Великобритании число бездомных удвоилось, количество детей, живущих только за счет социального пособия, увеличилось от 7% в 1979 году до 26% в 1994 году, число британцев, живущих в бедности (определяемой как месячный доход, составляющий менее половины минимальной зарплаты), возросло с 5 млн до 13 млн 700 тыс. человек, 10% самых бедных потеряли 13% своей покупательной способности, в то время как 10% самых богатых увеличили свое состояние на 65%, и в течение 5 последних лет число миллионеров удвоилось (данные LMD. IV/1997).

В начале 90-х

«...около 37 тыс. транснациональных предприятий охватывали мировую экономику щупальцами своих 170 тыс. филиалов. Тем не менее, центр власти сосредоточен в замкнутом кругу 200 первых фирм: с начала 80-х годов они непрерывно расширялись за счет расчленения и «спасительных» приобретений других предприятий. Таким образом, часть транснационального капитала в мировом ВПП перешла от 17% в середине 60-х к 24% в 1982 г. и к более чем 30% в 1995 г. 200 первых фирм — это конгломераты, чья планетарная деятельность охватывает без различия первичный, вторичный и третичный секторы экономики: крупные сельскохозяйственные производства, промышленность, финансовые услуги, торговлю и т.д. Географически они распределены между 10 странами: Япония (62), Соединенные Штаты (53), Германия (23), Франция (19), Великобритания (11), Швейцария (8), Южная Корея (6), Италия (5) и Нидерланды (4)».

(Frédéric Clairmont. Op. cit.)

«Двести первых» в мире

Страна	Число фирм	Кол-во сделок	Прибыль, млрд долл.	% от сделок в мировом масштабе	% от прибыли в мировом масштабе
Япония	62	3196	46	40,7	18,3
США	53	1198	98	25,4	39,2
Германия	23	786	24,5	10,0	9,8
Франция	19	572	16	7,3	6,3
Великобритания	11	275	20	3,5	8,0
Швейцария	8	244	9,7	3,1	3,9
Южная Корея	6	183	3,5	2,3	1,4
Италия	5	171	6	2,2	2,5
Великобритания/ Нидерланды	2	159	9	2,0	3,7
Нидерланды	4	118	5	1,5	2,0
Венесуэла	1	26	3	0,3	1,2
Швеция	1	24	1,3	0,3	0,5
Бельгия/ Нидерланды	1	22	0,8	0,3	0,3
Мексика	1	22	1,5	0,3	0,6
Китай	1	19	0,8	0,2	0,3
Бразилия	1	18	4,3	0,2	1,7
Канада	1	17	0,5	0,2	0,2
Всего	200	7850	251	100	100
Мировой ВВП		25223		31,20	

Источник: Frèdèric Clairmont. Op. cit.

А здесь перед вами — символ экономической власти. Сейчас позеленейте, как доллар. О тошнотворном запахе не беспокойтесь: этот аромат дерьма, грязи и крови у него с рождения...

Деталь 2: Глобализация эксплуатации.

Фигура 2 получается путем рисования треугольника.

Одна из неолиберальных басен гласит, что экономический рост неизбежно приводит к лучшему распределению богатства и к росту занятости. Это не так. Точно так

же, как из роста политической власти короля не следует роста политической власти его вассалов (скорее, наоборот), абсолютизм финансового капитала не улучшает распределения богатства и не создает потребности в большей работе общества. Его структурными последствиями являются бедность, безработица и тяжелые условия труда.

В 60-е и 70-е годы население, считавшееся бедным (с доходом менее 1 доллара в день для удовлетворения самых элементарных потребностей, согласно критериям Мирового Банка) составляло 200 млн человек. В начале 90-х эта цифра достигала уже 2 млрд человек. Кроме того,

«... доходы 200 самых важных фирм планеты составляют более четверти доходов мировой экономики; тем не менее, эти 200 фирм дают работу всего 18,8 млн человек, т.е. менее чем 0,75% рабочей силы планеты».

(Ignacio Ramonet. LMD. I/1997, № 15)

Все больше людей бедных и обедневших и все меньше богатых и обогатившихся — это основные уроки Детали 1 неолиберальной головоломки. Для достижения этого абсурда мировая капиталистическая система «модернизирует» производство, обращение и потребление товаров. Новая технологическая революция (информационная) и новая политическая революция (возникновение мегаполисов на руинах национальных государств) порождают новую социальную «революцию». Эта социальная «революция» есть ни что иное, как переупорядочение, реорганизация сил общества и прежде всего рабочей силы.

Экономически активное население (ЭАН) мира превратилось из 1376 млн в 1960 году в 2374 млн трудящихся в 1990 году. Стало больше способных работать, то есть способных создавать богатства.

Однако «новый мировой порядок» перемещает эту новую рабочую силу в географическом и производственном пространстве; кроме того, он переупорядочивает ее место (или отсутствие такового в случае безработных или полубезработных) в глобальном экономическом плане.

За последние 20 лет в отраслях занятости мирового населения произошли принципиальные изменения. Занятость в сельскохозяйственном и рыболовном секторе упала с 22% в 1970 году до 12% в 1990 году, в промышленности — с 25% в 1970 году до 22% в 1990 году, в то время как третичный сектор (торговля, транспорт, банки и сфера услуг) вырос от 42% в 1970 году до 56% в 1990 году. В случае «развивающихся» стран, третичный сектор вырос от 40% в 1970 году до 57% в 1990 году, в то время как количество населения, занятого в сельскохозяйственном и рыболовном секторе, сократилось с 30% в 1970 году до 15% в 1990 году (данные «Mercado Mundial de Fuerza de Trabajo en el Capitalismo Contemporaneo». Ochoa Chi, Juanita del Pilar. UNAM. Economía. México, 1997).

Это значит, что все большее число трудящихся направляется на виды деятельности, связанные с повышением продуктивности или ускорением продажи товаров. Таким образом, неолиберальная система действует как сверхфеодал, воспринимающий мировой рынок как единое предприятие, управляемое с помощью критериев «модернизации».

Тем не менее, неолиберальная «модернизация» куда больше похожа на дикое рождение мировой капиталистической системы, чем на утопическую «рациональность». «Современное» капиталистическое производство продолжает опираться на труд детей, женщин и рабочих-иммигрантов. Из 1148 млн детей планеты по крайней мере 100 млн живут практически на улице, 200 млн работают, и предполагается что к 2000 году работающих детей будет уже 400 млн. Кроме того, называется цифра: 146 млн азиатских детей, работающих в производстве автомобильных деталей, игрушек, одежды, продуктов питания, в сфере металлообработки и в химической промышленности. Но эксплуатация детского труда характерна не только для «развивающихся» стран: 40% английских и 20% французских детей работают, чтобы пополнить доход семьи или же просто чтобы выжить. Кроме того, «место» для детей есть и в «индустрии» развлечений. По подсчетам ООН, каждый год рынок сексуальных услуг пополняется миллионом детей (данные Ochoa Chi, J. Op. cit.).

Неолиберальная бестия рушит всю общественную сферу планеты, унифицируя все, даже привычные схемы питания.

«Хотя в мире и заметны частные различия в потреблении продуктов питания в каждом регионе (и внутри него), тем не менее, не перестает быть очевидным процесс унификации, навязываемый поверх этих различий, даже поверх различий физиологически-культурного характера, между различными зонами».

(«Mercado mundial de medios de subsistencia. 1960–1990». Ocampo Figueroa, Nashelly, y Flores Mondragòn, Gonzalo. UNAM. Economía. 1994)

Эта бестия навязывает человечеству тяжелую ношу. Безработица и невыносимые условия труда миллионов трудящихся во всем мире являются жестокой реальностью, и не предвидится ни малейшей тенденции к ее смягчению. Безработица в странах Организации по экономическому сотрудничеству и развитию в Европе перешла от 3,8% в 1966 году к 6,3% в 1990 году. Только в Европе она возросла от 2,2% в 1966 году до 6,4% в 1990 году.

Навязывание всему миру рыночных законов, глобализация рынка разрушает мелкие и средние предприятия. С исчезновением местных и региональных рынков мелкие и средние производители оказываются без всякой защиты и без малейшей возможности конкурировать с транснациональными гигантами.

Результат — массовое разорение предприятий. Последствие — миллионы трудящихся без работы.

Повторяющийся неолиберальный абсурд — рост производства — не создает рабочих мест, наоборот, он их разрушает. ООН называет этот этап «ростом без занятости».

Но на этом кошмар не заканчивается. Кроме угрозы безработицы, трудящиеся сталкиваются с постоянно ухудшающимися условиями труда. Большая нестабильность занятости, рост продолжительности рабочей недели и уменьшение зарплаты — все это последствия глобализации в целом и «третьизации» экономики (роста сектора сферы услуг) в частности.

«В подчиненных странах рабочая сила испытывает многостороннее ухудшение условий: доведенная до крайности текучесть кадров, работа без контракта, нерегулярные и обычно более низкие, чем прожиточный минимум, зарплаты, унижительные пенсионные «обеспечения», независимая недекларируемая трудовая деятельность, с целью какого-то дополнительного дохода, а работа прислугой или подневольный труд якобы защищенных слоев общества, например, детей».

(Alain Morice. «Los trabajadores extranjeros, avanzadilla de la precariedad. LMD. I/1997)

Последствием всего этого становится глобализированная социальная бездна. Реструктуризация производства и обращения товаров и перераспределение производительных сил приводят к особому излишку: появлению лишних людей, тех, кто не необходим для «нового мирового порядка», тех, кто не производит, не потребляет, не является объектом кредитования, в общем, обузы.

Каждый день крупные финансовые центры навязывают свои законы странам и группам стран во всем мире, реструктурируют и перераспределяют их жителей. И, когда эта операция закончена, они сталкиваются с тем, что многие люди оказываются «лишними».

«Таким образом стремительно растет число лишнего населения, которое не только подвержено самой острой нужде, но и не принимается в расчет, которое совершенно деструктурировано и разрознено, чье единственное занятие заключается в блуждании по улицам, без дома, без работы, без семьи, без социальных связей — по крайней мере, сколько нибудь постоянных — блуждание со своим единственным достоянием — картонными коробками или полиэтиленовыми пакетами».

(Fernàndez Duràn, Ramon. «Contra La Europa del capital y la globalizaciòn econòmica». Talasa. Madrid, 1996).

Экономическая глобализация

«...сделала необходимым снижение реальных заработков на мировом уровне, что вместе с сокращением социальных расходов (здравоохранение, образование, жилищное строительство и питание) и антипрофсоюзной политикой создало основную базу новой неолиберальной политики капиталистической активации».

(Ocampo N. y Flores G. Op. cit.)

Здесь вы видите изображение пирамиды мировой эксплуатации.

Деталь 3: Миграция, блуждающий кошмар.

Чтобы получить фигуру 3, надо нарисовать круг.

Ранее мы говорили о возникновении в конце Третьей мировой войны новых территорий, ожидавших своего завоевания (бывшие социалистические страны), и территорий, которые должны были быть повторно завоеваны «новым мировым порядком». Для достижения этого финансовые центры развивают тройную стратегию преступления и дикости: разжигают «региональные войны» и «внутренние конфликты», капиталы движутся по новым путям накопления и огромные массы трудящихся перемещаются.

Результатом мировой захватнической войны является колоссальное вращение миллионов мигрантов по всему миру. «Иностранцы» оказываются в мире «без границ», который пообещали победители в Третьей мировой войне, миллионы людей обречены на преследования ксенофобов, постоянно ухудшающиеся условия работы, потерю культурной идентичности, полицейские репрессии, голод и смерть.

«От американской реки Рио-Гранде до европейского «Шенгенского пространства» утверждается двойная противоречивая тенденция: с одной стороны, для трудовой миграции границы официально закрываются, а с другой — целые отрасли экономики колеблются между нестабильностью и гибкостью, являющимися наиболее надежными средствами для привлечения иностранной рабочей силы».

(Alain Morice. Op. cit.) Под разными именами и при некоторых юридических различиях, разделяя между собой нищенское равенство, мигранты, беженцы или перемещенные лица всего мира являются «иностранцами» — порой их терпят, порой отвергают. Кошмар эмиграции, каковы бы ни были порождающие ее причины, продолжает кружиться и расти над планетой. Число людей, находящихся в ведении Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, резко выросло от немногим более 2 млн в 1975 до более чем 27 млн в году 1995.

После ликвидации национальных границ (для товаров), глобализированный рынок организует мировую экономику: изучение и презентация товаров и услуг, так же как и их вращение и потребление, продумываются в межконтинентальном масштабе. Для каждой из частей капиталистического процесса «новый мировой порядок» организует перемещение специализированной и неспециализированной рабочей силы туда, где ему это необходимо. Не имея ничего общего со «свободной конкуренцией», столь расхваленной неолиберализмом, рынки занятости все больше и больше предопределяются миграционными потоками. В случае работников-специалистов, хотя в сравнении с общей мировой миграцией их число и невелико, такая «передача мозгов» очень важна для концентрации экономической и информационной власти. Тем не менее, будь то квалифицированные специалисты или же просто рабочие руки, миграционная политика неолиберализма куда больше ориентирована на дестабилизацию международного рынка труда, чем на сдерживание миграционных потоков.

Четвертая мировая война своим постоянным процессом *разрушения/обезлюдения и восстановления/реорганизации* вызывает перемещение миллионов людей. Их

ждут скитания с кошмаром за плечами, и для трудящихся других стран они станут непреходящей угрозой трудовой стабильности, врагом, используемым для улучшения имиджа хозяев, и неизменным поводом для оправдания расистского абсурда, поощряемого неолиберализмом.

Это символ блуждающего кошмара мировой миграции, колесо ужаса, которое вращается по всему миру.

Деталь 4: Мировое финансовое объединение и глобализация коррупции и преступности.

Фигура 4 получается путем изображения прямоугольника.

Образ главарей мировой преступности, созданный для нас средствами массовой информации, приблизительно таков: вульгарные мужчины и женщины, неряшливо одетые, обитающие в невероятных пансионах или же за тюремными решетками. Но скрыто намного больше, чем показано: ни истинные лидеры сегодняшних мафий, ни их организация, ни реальное влияние на экономическую и политическую жизнь никем не освещены публично.

Если вы думаете, что преступный мир — это нечто из области загробной жизни и мрака, вы ошибаетесь. Еще во времена «холодной войны» организованная преступность приобрела вполне пристойный внешний облик, и не только стала действовать как любое другое современное предприятие, но и глубоко проникла в политические и экономические системы национальных государств. С началом Четвертой мировой войны, внедрением «нового мирового порядка» и последовавшими за ним открытием новых рынков, приватизацией, ослаблением контроля над торговлей и международными финансами, организованная преступность тоже «глобализировала» свою деятельность.

«По данным ООН, годовой доход преступных транснациональных организаций (ПТО) составляет порядка 1000 млрд долларов, сумму, эквивалентную общему НВП стран с низким уровнем доходов (по критериям Мирового Банка) с общим населением в 3 млрд жителей. Эта оценка учитывает как прямую прибыль от наркобизнеса, нелегальной торговли оружием, контрабанды радиоактивных материалов и т.д., так и доход, получаемый от сфер деятельности, контролируемых мафиями (проституция, игорный бизнес, черный рынок валюты...)

Нужно отметить, что эти данные не учитывают ни долю инвестиций, постоянно осуществляемых преступными организациями в структуры контроля над легальным бизнесом, ни контроль преступных организаций над средствами производства внутри многочисленных секторов легальной экономики».

(Michel Chossudovsky. «La Corruption mondialisée» en «Gèopolitique du Chaos»)

Преступные организации сделали «дух международной кооперации» своим; объединившись они участвуют в захвате и реорганизации новых рынков. Касается это

не только преступной деятельности, участвуют они и в бизнесе легальном. Организованная преступность делает инвестиции в легальный бизнес не только с целью «отмывания» грязных денег, но и для того, чтобы создать новые капиталы для нелегальной деятельности. Предпочтение при этом отдается торговле роскошной недвижимостью, индустрии развлечений, средствам коммуникации, промышленности, сельскому хозяйству, сфере услуг и... банкам.

Али Баба и 40 банкиров? Нет, кое-что похуже. Грязные деньги организованной преступности используются коммерческими банками для своей деятельности: для ссуд, инвестиций в финансовые рынки, покупки бонов внешней задолженности, приобретения и продажи золота и валюты.

«Во многих странах преступные организации превратились в кредиторов государств и, посредством своей деятельности на рынке, влияют на макроэкономическую политику правительств. Минуя биржи, они инвестируют свои средства в спекулятивные рынки сырья и субпродуктов».

(Michel Chossudovsky. Op. cit.)

Кроме того, для организованной преступности существует и так называемый налоговый рай. На земле есть по крайней мере 55 таких «райских» мест (одно из них, на Каймановых островах, является пятым в мире банковским центром; число зарегистрированных там банков и фирм превышает количество жителей). Багамы, Британские Виргинские острова, Бермуды, Мартиника, Вануату, острова Кука, Маврикий, Люксембург, Швейцария, Нормандские острова, Дублин, Монако, Гибралтар, Мальта — идеальные места для связей между мировой организованной преступностью и крупными финансовыми центрами.

Кроме «отмывания» грязных денег, «налоговый рай» используется для ухода от уплаты налогов. Эти места — точка контакта между правительственными кругами, предпринимателями и главарями организованной преступности. Использование в финансовой системе новейших технологий обеспечивает быстрый оборот средств и исчезновение следов от нелегальной прибыли.

«Бизнес легальный и нелегальный все более переплетаются между собой, что приводит к фундаментальным изменениям в структурах послевоенного капитализма. Мафии осуществляют инвестиции в легальный бизнес; существует и обратный процесс: финансовые ресурсы направляются в сферу криминальной экономики через банки или же коммерческие предприятия, участвующие в отмывании грязных денег, просто связаны с преступными организациями. Банки утверждают, что все операции проводятся честно и что банковскому руководству неизвестно происхождение вкладываемых фондов. Принцип не задавать лишних вопросов, банковская тайна и анонимность операций — все это гарантирует защиту интересов организованной преступности, защищает банковский институт от публичных расследований и обвинений. Крупные банки не только соглашаются отмывать деньги в расчете на солидные комиссионные, но

и предоставляют мафиям кредиты с повышенными процентными ставками в ущерб инвестициям в продуктивные секторы промышленности и сельского хозяйства».

(Michel Chossudovsky. Op. cit.)

Кризис мирового долга 80-х вызвал падение цен на сырье. Это резко сократило доходы «развивающихся» стран. Экономические меры, продиктованные Мировым Банком и Международным валютным фондом, для того, чтобы, как предполагалось, «восстановить» экономику этих стран, лишь обострили кризис легального бизнеса. В результате ускорилось развитие экономики нелегальной, заполнившей пространство, которое образовалось на разоренных национальных рынках.

Согласно докладу Организации Объединенных Наций,

«вторжение преступных синдикатов было облегчено программами структурного сокращения расходов, которые страны-должники были вынуждены принять в обмен на право доступа к кредитам Международного валютного фонда».

(United Nations. «La Globalization du crime». New York, 1995)

Здесь перед вами прямоугольное зеркало, в котором закон и беззаконие обмениваются отражениями. С какой стороны зеркала преступник? С какой тот, кто его преследует?

Деталь 5: Законное насилие незаконной власти?

Фигура 5 получается путем изображения пятиугольника.

В условиях неолиберализма государство стремится к самосохранению до «необходимого минимума». Так называемое государство-благодетель, не только превратилось в не более чем устаревший термин, но и продолжает избавляться от всего, что составляло его сущность, и вскоре останется ни с чем.

В кабаре глобализации перед нами — «шоу» государства, исполняющего «танец на столе» и сбрасывающего с себя последние одежды, пока на нем не останется последнего необходимого элемента — репрессивного аппарата. Уничтожена материальная база государства, аннулированы его возможности поддержания суверенитета и независимости, смазаны различия между политическими классами. Национальные государства довольно быстро превращаются в обыкновенный аппарат «безопасности» мегапредприятий, которые возводит неолиберализм в ходе Четвертой мировой войны.

Вместо того, чтобы направить общественные средства на социальные нужды, государства предпочитают улучшать состав, вооружение и подготовку своих репрессивных сил, с тем чтобы эффективно справляться с задачей, которую политика уже давно перестала выполнять, — установлением контроля над обществом.

Репрессивные аппараты современных государств называют себя «профессионалами законного насилия». Но что делать, если насилие уже подчинено законам рынка?

Где насилие законное и где незаконное? На какую монополию на насилие могут претендовать полуразрушенные национальные государства, если свободная игра спроса и предложения оспаривает у них эту монополию? Разве мы не убедились в Детали 4, что между организованной преступностью, правительствами и финансовыми центрами существуют более чем тесные отношения? Разве не очевидно, что организованная преступность владеет целыми армиями, единственным сдерживающим фактором которых является огневая мощь противника? Таким образом, «монополия на насилие» уже не принадлежит национальным государствам. Современный рынок выставил ее на продажу...

Все это к слову, потому что кроме полемики о насилии законном и незаконном, существует еще и дискуссия (думаю, ложная) о насилии «рациональном» и «иррациональном».

Определенная часть мировых интеллектуальных кругов (настаиваю на том, что интеллектуалы мира намного сложнее, чем просто «правые или левые», «сторонники правительства или оппозиционеры», «хорошие или плохие») утверждает, что к насилию можно прибегнуть «рациональным» образом, «выборочно» направлять его (есть даже те, кто говорит о «техническом изучении рынка насилия») и с «хирургической» точностью применять его против зла. Идеи наподобие этих вдохновили недавнюю гонку вооружений в странах Американского Союза: «хирургическое», точное оружие и военные операции как скальпель «нового мирового порядка». Так родились «умные бомбы», которые, как мне рассказывал один репортер, освещавший «Бурю в пустыне», не так уж «умны» и «колеблются», если нужно отличить больницу от ракетного склада; в таком случае «умные бомбы» не воздерживаются, а разрушают. Но, в конце концов, Персидский залив, как говорили товарищи из сапатистских селений, находится слишком далеко от столицы штата Чьяпас (хотя положение курдов до боли похоже на происходящее с индейцами в стране, считающей себя «демократической» и «свободной»), так что довольно о «той» войне, когда у нас есть «наша».

Итак, спор о «рациональном» и «иррациональном» насилии открывает путь к одной интересной, и, к сожалению, небезполезной в настоящее время дискуссии. Можно спросить, например, что понимается под «рациональным». Если ответ — «государственные соображения» (предположим, что они существуют, и, прежде всего, что у современного неолиберального государства можно обнаружить хоть какое-нибудь соображение), то в этом случае стоит задать вопрос, соответствуют ли эти «государственные соображения» «общественным соображениям» (предположим, естественно, что в сегодняшнем обществе осталась какая-то доля рациональности), и более того — является ли «рациональное» насилие государства столь же «рациональным» для общества. Здесь не о чем особо мудрствовать (если не от скуки): современные «государственные соображения» являются ничем иным, как «соображениями финансовых рынков».

Но как современное государство управляет своим «рациональным насилием»? И, вспоминая историю, сколько времени продолжается эта «рациональность»? От одних выборов до других или до переворота (в некоторых случаях)? Сколько случаев государственного насилия, приветствовавшегося в свое время как «рациональное», признаются сегодня «иррациональным»?

Леди Маргарет Тэтчер, «благодарно» вспоминаемая британским народом, побеспокоилась написать пролог к книге Каспара Вайнберга и Питера Швейцера «Следующая война» (Regnery Publishing, Inc. Washington, D. C. 1996).

В этом тексте госпожа Тэтчер делится некоторыми размышлениями о трех общих чертах, существующих между миром «холодной войны» и миром после ее окончания. Первая из них та, что всегда будет достаточно агрессоров, угрожающих «свободному миру». Вторая заключается в необходимости военного превосходства «демократических государств» над возможными агрессорами. И третья состоит в том, что военное превосходство должно быть, прежде всего, превосходством технологическим.

В конце пролога «железная леди» так определяет «насильственную рациональность» современных государств: «Война может начаться по множеству различных причин. Но худший вариант обычно происходит, если государственные власти считают, что могут достичь своих целей без войны или, по крайней мере, путем ограниченной войны, которая может быть быстро выиграна — и впоследствии этот расчет не оправдывается».

Сценарии «будущих войн» для господ Вайнберга и Швейцера это: Северная Корея и Китай (6 апреля 1998 г.), Иран (4 апреля 1999 г.), Мексика (7 марта 2003 г.), Россия (7 февраля 2006 г.) и Япония (19 августа 2007 г.). Таким образом, нет сомнений в том, кто является потенциальным агрессором, — азиаты, арабы, латиноамериканцы и европейцы. Почти весь мир считается потенциальным агрессором, угрожающим современной «демократии».

Всё логично (по крайней мере, в рамках либеральной логики): в настоящее время власть (то есть власть финансовая) понимает, что может «достичь своих целей» только путем войны, причем «не ограниченной войны, которая может быть быстро выиграна», а путем войны всеобъемлющей и всеобщей, мировой во всех отношениях.

И мы верим новому государственному секретарю Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт, когда она заявляет:

«Одной из приоритетных задач нашего правительства является обеспечение экономических интересов Соединенных Штатов в мировом масштабе».

(The Wall Street Journal. 21.01.1997)

Следует понимать, что в этой войне весь мир (я хочу сказать «весь-весь») — театр военных действий.

Таким образом, можно прийти к выводу, что если спор о «монополии на насилие» происходит не в рамках рыночных законов, а ставится под сомнение снизу, мировая власть «обнаруживает» в этом вызове «потенциального агрессора». В этом заключается один из вызовов (один из наименее изученных и наиболее «осуждаемых» среди многих других), брошенный индейцами Сапатистской армии национального освобождения, которые восстали с оружием в руках против неолиберализма и ради человечества.

Это символ североамериканской военной мощи, пятиугольник (пентагон). Новая «мировая полиция» претендует на то, чтобы «национальные» армии и полиции были

просто «корпусом безопасности», гарантирующим «порядок и прогресс» в неолиберальных мегаполисах.

Деталь 6: Мегаполитика и карлики.

Фигура 6 получается путем изображения матерного слова.

Как мы уже сказали, национальные государства сегодня подвержены нападению со стороны финансовых центров и «вынуждены» раствориться внутри мегаполисов. Но неолиберализм не только ведет свою войну, «объединяя» страны и регионы. Его стратегия *разрушения/обезлюдения и восстановления/упорядочения* приводит к образованию одной или же многих трещин внутри государств.

В этом — парадокс Четвертой мировой войны: начатая для уничтожения границ и «объединения» стран, она оставляет за собой умножение границ и расчленение стран, гибнущих в ее когтях. Независимо от поводов, идеологий и знамен, нынешняя *мировая* динамика разрушения целостности национальных государств является последствием политики, тоже мировой, сознающей, что утвердить свою власть и создать оптимальные условия для своего воспроизводства она может только на руинах национальных государств.

Если у кого-нибудь остаются сомнения по поводу нашего определения процесса глобализации как мировой войны, он может отбросить их, подсчитав количество конфликтов, возникших или же вызванных в результате распада некоторых государств. Чехословакия, Югославия, СССР — показатели глубины этих кризисов, вдребезги разбивающих не только политическую и экономическую базу государств, но и их общественные структуры. Сценарии Словении, Хорватии и Боснии, как и нынешняя внутренняя война Российской Федерации с Чечней, показывают нам не только трагическую участь социалистического лагеря, упавшего в смертельные объятия «свободного мира»; во всем мире в различном масштабе и с разной степенью интенсивности повторяется процесс национального расчленения. Сепаратистские тенденции присутствуют в Испании (Страна Басков, Каталония и Галисия), в Италии (провинция Падуя), в Бельгии (Фландрия), во Франции (Корсика), в Соединенном Королевстве (Шотландия и Уэльс) и в Канаде (Квебек). И еще немало примеров в других странах мира.

Ранее мы указали на возникновение мегаполисов, сейчас говорим о расчленении стран. Оба процесса протекают в результате разрушения национальных государств. Речь идет о двух параллельных, независимых друг от друга процессах? Это две стороны процесса глобализации? Симптомы надвигающегося мегакризиса? Не более чем просто изолированные явления?

Мы считаем, что речь идет о противоречии, характерном для процесса глобализации, одном из ключевых противоречий неолиберальной модели. Уничтожение границ для торговли, универсальность телекоммуникаций, информационные скоростные магистрали, повсеместное присутствие финансовых центров, международные договоры об экономическом объединении, и вообще весь процесс глобализации, ликвидирующий национальные государства, приводит к расчленению внутренних

рынков. Они не исчезают и не растворяются в рынках международных, а лишь увеличивают свою расчлененность и умножаются.

Кажется противоречием, но глобализация создает расчлененный мир, переполненный осколками, изолированными один от другого (и нередко находящимися в состоянии взаимной конфронтации). Мир, состоящий из замкнутых ячеек, едва связанных между собой зыбкими экономическими мостами (такими же постоянными, как направление флюгера финансового капитала). Мир разбитых зеркал, отражающих бесполезное мировое единение неолиберальной головоломки.

Но неолиберализм, претендуя на объединение мира, не только расчленяет его. Одновременно он создает политико-экономический центр, который руководит этой войной. И поскольку, как мы отмечали раньше, финансовые центры навязывают свой закон (закон рынка) странам и группам стран, нам необходимо заново определить границы и горизонты политики, то есть политической деятельности. Поэтому имеет смысл говорить о *мегаполитике*, именно на этом уровне определится «мировой порядок».

Когда мы говорим «мегаполитика», мы не имеем в виду тех, кто является ее действующими лицами. Их, находящихся в этой «мегасфере», мало, слишком мало. Мегаполитика охватывает национальные политики, то есть подчиняет их своему единственному направлению, представляющему мировые интересы (которые обычно противоположны интересам национальным) и чья логика является исключительно рыночной, то есть логикой экономической прибыли.

Исходя из этого сугубо экономического (и преступного) критерия принимаются решения о войнах, кредитах, покупке и продаже товаров, дипломатических признаниях, торговых блокадах, политических подержках, законах о миграции, государственных переворотах, репрессиях, выборах, международных политических объединениях, международных политических размежеваниях, инвестициях, то есть решения, касающиеся вопросов выживания целых стран.

Мировая власть финансовых центров настолько велика, что они могут легко закрывать глаза на политическую окраску сил, находящихся у власти в той или иной стране, в случае, если им гарантировано, что экономическая программа (то есть часть, соответствующая мировой экономической мегапрограмме) останется без изменений.

Финансовые дисциплины навязываются самым разным цветам мирового политического спектра в случае их прихода к государственной власти.

Мировая власть может терпимо относиться к левому правительству в любой части планеты при условии непринятия этим правительством мер, противоречащих планам мировых финансовых центров. Но ни в коем случае она не потерпит укрепления альтернативы экономической, политической и общественной организации. Национальные политики для мегаполитики создаются карликами, которые должны исправно следовать диктату финансового гиганта. И так будет до тех пор, пока карлики не восстанут...

Здесь перед вами фигура, представляющая «мегаполитику». Вы поймете бесполезность попыток поисков ее рациональности и еще то, что, разматывая этот клубок, абсолютно ничего не проясните.

Деталь 7: Мешки сопротивления.

Фигура 7 получается путем изображения мешка.

"Для начала очень прошу тебя не путать Сопротивление с политической оппозицией. Оппозиция противостоит не власти, а правительству, и ее полная и окончательная форма выражения — оппозиционная политическая партия; в то время как Сопротивление по определению (сейчас, наконец, да!) не может быть партией: смысл его существования не в том, чтобы в свою очередь править, а в том, чтобы... сопротивляться".

Томас Сеговия. Книга обвинений. Мехико, 1996.

Кажущаяся безотказность машины глобализации сталкивается с глухим неподчинением реальности. В то время как неолиберализм развивает свою мировую войну, по всей планете возникают группы несогласных, очаги неподчинения. Империя финансовых бирж сталкивается с противостоянием мешков сопротивления.

Да, мешков. Мешков всех размеров, разного цвета, различных форм. Их единственная схожесть — в сопротивлении «новому мировому порядку» и преступлению против человечества, которое несет в себе неолиберальная война.

Пытаясь навязать свою экономическую, политическую, социальную и культурную модель, неолиберализм желает подчинить себе миллионы людей и избавиться от всех тех, кому нет места в новом разделении мира. Но получается так, что эти «заменяемые» восстают и сопротивляются власти, стремящейся их уничтожить. Женщины, дети, старики, молодежь, коренные народы, экологи, гомосексуалисты, лесбиянки, серопозитивные, трудящиеся — и все те, кто не только «стал лишним», но и "мешает" мировому порядку и прогрессу, восстают, организовываются и борются. Признавая себя равными и разными, исключенные из «современности» начинают плести ткань своего сопротивления процессу *разрушения/обезлюдения и восстановления/реорганизации*, который развивает в своей мировой войне неолиберализм.

Например, в Мексике так называемая Программа интегрального развития Истмо де Теуантепек ставит задачу строительства современного международного центра складирования и сбыта товаров. Зона развития включает в себя промышленный комплекс, на котором рафинируется третья часть мексиканской нефти-сырца и вырабатывается 88% нефтехимических продуктов. Межокеанские транспортные пути будут состоять из автострад, водной трассы, использующей природные возможности зоны (реку Коацакоалькос) и центральную ось — транссейсмическую железнодорожную линию (за строительство которой отвечает пять фирм: четыре американские и одна канадская). Проект заключается в создании стратегической зоны, приносящей постоянный доход. Два миллиона местных жителей станут грузчиками, контролерами или уличными торговцами. (Ana Esther Ceseña. «El Istmo de Tehuantepec: frontera de la soberanía nacional». *La Jordana del Campo*. 28 de mayo 1997). Кроме того, на юго-востоке Мексики, в Лакандонской сельве, начинается Программа регионального устойчивого развития Лакандонской сельвы. Ее подлинная задача состоит в передаче капиталу индейских земель, которые, кроме своего исторического богатства обладают еще щедрыми нефтяными и урановыми месторождениями.

Одним из предсказуемых результатов этих проектов станет расчленение Мексики (отделение юго-востока от остальной части страны). Кроме того, поскольку речь идет о войнах, одной из целей перечисленных проектов является ликвидация повстанческого движения. Эти проекты — часть петли, призванной удушить анти-неолиберальное восстание, начатое в 1994 году. Объект операции — восставшие индейцы Сапатистской армии национального освобождения (САНО).

Тема восставших индейцев требует следующего отступления: сапатисты считают, что в Мексике (внимание — речь идет только о Мексике) восстановление и защита национального суверенитета являются частью антинеолиберальной революции. Парадокс в том, что САНО обвиняют в попытке расчленения мексиканского государства. На самом деле, единственными, кто заявил о своих сепаратистских устремлениях, являются предприниматели штата Табаско (богатого нефтью) и федеральные депутаты Чьяпаса от партии ИРП. Сапатисты считают, что перед лицом угрозы глобализации необходима защита государства и что попытки разделить Мексику исходят не от справедливых требований автономии для индейских народов, а от правящих кругов. САНО и лучшие силы национального индейского движения хотят не отделения индейских народов от Мексики, а признания их в качестве части страны, имеющей свои особенности. Но не только этого; еще они хотят демократии, свободы и справедливости для всей Мексики. Парадоксы продолжаются, потому что пока САНО борется за защиту национального суверенитета, мексиканская федеральная армия борется с этой защитой и защищает правительство, которое уже разрушило материальную базу национального суверенитета и передало страну не только крупному иностранному капиталу, но и наркобизнесу.

Но не только в горах юго-востока Мексики существует зона сопротивления и идет борьба с неолиберализмом. В других частях Мексики, в Латинской Америке, в Соединенных Штатах и в Канаде, в Европе Маастрихтского соглашения, в Африке, в Азии и в Океании множатся мешки сопротивления. У каждого из них — своя собственная история, свои различия, свои схожести, свои требования, своя борьба, свои достижения. И если у человечества есть еще надежды выжить, стать лучше, надежды эти находятся в мешках, которые создают изгои, лишние, ненужные.

Это модель мешка сопротивления, но не обращайтесь на него особого внимания. Существует столько моделей, сколько есть сопротивлений и сколько миров есть в мире. Так что изобразите ту модель, которая вам больше нравится.

В деле мешков и сопротивлений богатство — в многообразии.

Существует еще много других деталей мировой головоломки, и в этом не может быть никаких сомнений. Например, средства массовой информации, культура, загрязнение окружающей среды, пандемии. Здесь мы хотели показать только общие черты семи из них.

Но и этих семи достаточно, чтобы после их изображения, раскраски и вырезания вы обнаружили, что невозможно собрать их в единое целое. И в этом — проблема мира, который глобализация попыталась переделать: детали не совпадают.

И поэтому, и по многим другим причинам, для которых нет места в данном тексте, необходимо создать новый мир. Мир, в котором будет место для многих миров, место для всех миров...

С гор юго-востока Мексики,
субкоманданте Маркос,
Сапатистская армия национального освобождения.
Мексика, июнь 1997 г.

P.S., где рассказаны мечты, в которых гнездится любовь. Рядом со мной отдыхает море. Когда-то давно оно разделило печали, сомнения и немалые мечты, но сейчас спит со мной горячая ночь сельвы. Я смотрю на ее взлохмаченную во сне пшеницу и опять поражаюсь тому, что она всегда такая же: теплая, свежая и близкая. Но волна удушья, подкатившая к горлу, поднимает меня на ноги, берет мою руку и вкладывает в нее перо, чтобы вернуть в сегодняшний день старика Антонио.

Я попросил старика Антонио, чтобы он проводил меня разведать реку вниз по течению. Из еды у нас с собой было только немного кукурузной муки. Часами мы следуем вдоль капризного русла, а голод и жара становятся все сильнее. Всю вторую половину дня мы проводим, преследуя стадо диких свиней. Когда нам удастся к ним приблизиться, почти уже темно, но огромный горный кабан вдруг отделяется от группы и атакует нас. Я блистаю всеми своими военными знаниями, бросаю оружие и вскарабкиваюсь на ближайшее дерево. Вместо того, чтобы броситься бежать, старик Антонио со своей обычной невозмутимостью отступает за заросли камыша. Громадный кабан быстро пронесется совсем рядом, но запутывается среди лиан и колючих кустарников. До того, как он успеет освободиться, старик Антонио поднимает свой старый карабин и одним выстрелом в голову решает на этот день вопрос ужина.

Уже глубокой ночью, закончив чистить мою современную автоматическую винтовку (М-16, калибр 5,56 мм, переключатель частоты, эффективная дальность выстрела 460 м, не считая телескопического прицела, штатива и магазина с 90 патронами), сажусь заполнять мой походный дневник, и, опуская подробности происшедшего, отмечаю: «Столкнулись с кабаном и А. пристрелил его. Высота 350 м н.у.м. Дождя не было».

Мы ждем, пока сварится мясо, и я говорю старику Антонио, что положенная мне часть кабана пригодится для праздника, который готовится в лагере. «Праздник?» — переспрашивает он, раздувая пламя костра. «Да, — говорю я. — Неважно когда, всегда найдется что-нибудь, что отпраздновать». После этого я продолжаю речь, которая кажется мне блестящей диссертацией об историческом календаре и праздниках сапатистов. Старик Антонио молча слушает; предполагая, что все это его не интересует, я укладываюсь спать.

В полусне вижу, как старик Антонио берет мой блокнот и что-то в нем записывает. Утром, после завтрака, мы делим мясо и каждый возвращается своей дорогой. Вернувшись в наш лагерь, я докладываю о результатах руководству и показываю мой дневник, где отражены все события. «Это не твой почерк», — говорят мне, показывая страницу дневника. Там, после моих записей за последний день, я вижу то, что написал большими буквами старик Антонио:

«Если у тебя не может быть одновременно и разума, и силы, всегда выбирай разум и позволь, чтобы у врага была сила. Во многих боях может победить сила, но во всей

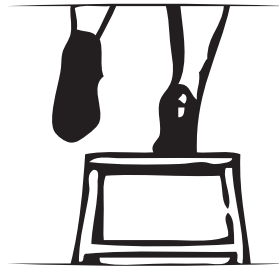

борьбе всегда побеждает разум. Власть имущие никогда не смогут извлечь разума из своей силы, но мы всегда сможем извлечь силу из разума».

И ниже, очень мелкими буквами: «С праздником».

Стоит ли говорить, что аппетит у меня пропал. Как обычно, праздник прошел очень весело. «Страница с косой», к счастью, находилась пока очень далеко от «хит-парада» сапатистов...

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Субкоманданте Маркос
Семь деталей мировой головоломки
Неолиберализм в виде головоломки: бесполезное объединение мира, разделяющее
и разрушающее страны

Скопировано 2018-10-14 с https://sceptis.net/library/id_575.html

Перевод с испанского Олега Ясинского

Опубликовано в книге: Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты
против нового мирового порядка. Б.м., Гилея, 2002.

ru.theanarchistlibrary.org